

Э. Ф. Баранов, В. А. Бессонов

Взгляд на российскую экономическую трансформацию*

В статье на качественном уровне рассматривается переход российской экономики от плана к рынку. Анализируется экономическая динамика в парадигме трансформации, обсуждаются основные стадии переходного процесса в России, а также бонусы и издержки, обусловленные переходом к рынку. Изучаются причины опережающего роста благосостояния по сравнению с ростом выпуска, отмечаются признаки исчерпания потенциала факторов, обеспечивавших аномально высокие темпы восстановительного подъема и сопровождавшего его роста благосостояния. Сделан вывод о завершении восстановительного подъема и о переходе к стадии развития с невысокими темпами роста выпуска и благосостояния, характерными для стабильных (не переходных) экономик.

Ключевые слова: переходная экономика, Россия, трансформационный спад, экономическая статистика.

JEL: E20, E32, O11, O44, P24.

Российская экономическая трансформация, то есть преобразование плановой экономики в рыночную, длится уже почти 30 лет. Этот процесс включает последствия конкретных мер по реформированию экономики и решений в области экономической политики, экономические кризисы, последствия изменения внешнеэкономической конъюнктуры, влияние событий внутренней и внешней политики и т. п. Изучению таких эпизодов посвящена обширная литература. Вместе с тем целесообразно взглянуть на процесс экономической трансформации в целом, так сказать, с «высоты птичьего полета», по возможности абстрагируясь от деталей.

Баранов Эдуард Филаретович (efbaranov@hse.ru), д. э. н., начальник отдела отраслей реального сектора и внешней торговли Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ; Москва); *Бессонов Владимир Аркадьевич* (bessonov@hse.ru), к. физ.-мат. н., завлабораторией исследования проблем инфляции и экономического роста Экспертного института НИУ ВШЭ (Москва).

* Статья основана на результатах исследования НИУ ВШЭ «Структурные изменения в российской экономике и структурная политика» (см.: НИУ ВШЭ, 2018. Разд. 2; Акиндинова и др., 2018. Разд. 1). Авторы выражают признательность Б. В. Кузнецову, В. А. Сальникову, Ю. В. Симачеву, Р. М. Энтову, Е. Г. Ясину за ценные замечания и предложения.

Далее мы будем рассматривать трансформацию в узком смысле, понимая под ней лишь становление основ рыночной экономики и переход к доминированию в последней рыночных начал, а также сопровождающую этот процесс характерную динамику выпуска и благосостояния. В этом смысле трансформационный процесс к настоящему времени в первом приближении можно считать завершенным, поскольку российская экономика, в которой в конце 1980-х годов доминировали плановые начала, в целом перешла на рыночные методы хозяйствования, а динамика выпуска и благосостояния, как показано ниже, утратила трансформационную специфику. Разумеется, сказанное не означает, что трансформация завершилась во всех возможных смыслах. Предстоит еще немало сделать в области проведения реформ, развития институтов, снижения роли государства в экономике, укрепления и развития рыночных отношений в разных аспектах.

Экономическая динамика в парадигме трансформации

Анализ российской экономической динамики за последние 30 лет естественно проводить в контексте перехода от плана к рынку, то есть в парадигме трансформации. Она началась в конце 1980-х годов и определила в общих чертах долгосрочные тенденции развития экономики, включая наблюдающееся в последние годы замедление экономического роста. На эти долгосрочные тенденции наложились три кризиса (начавшиеся в 1998, 2008 и 2014 гг.), вызванные в основном экзогенными шоками (рис. 1). Но характер российской экономической динамики в последние три десятилетия обусловил более масштабный переходный процесс, на который накладываются кризисы меньшего масштаба и продолжительности, то есть события второго уровня.

Разумеется, на российскую экономическую динамику влияет множество одновременно протекающих процессов: распад СССР и становление новых государств на его территории, глобализация экономики, демографические изменения (Вишневикий, Щербакова, 2018), изменение климата, экологические проблемы, исчерпание природных ресурсов, долгосрочные технологические сдвиги, глобальные политические процессы и т. п. Процесс экономической трансформации протекает на временном интервале меньшего масштаба, чем большинство перечисленных процессов, и отличается более высокой интенсивностью, что в какой-то мере позволяет отделить влияние этой трансформации на экономическую динамику от действия других процессов, развивающихся одновременно с ней.

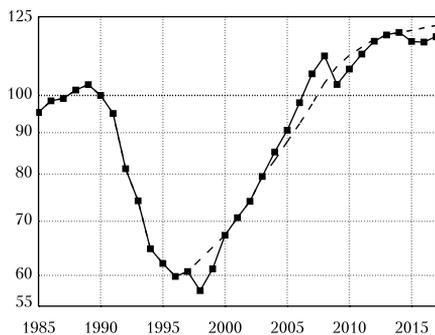
На ход трансформации, разумеется, влияет и экономическая политика. Если бы она была иной, то глубина, продолжительность и другие особенности трансформационного кризиса также могли бы измениться. Соответственно не может идти речь о какой-то предопределенности (детерминизме) протекания трансформационного кризиса. Важна и страновая специфика. Влияние трансформации на экономическую динамику в разных странах существенно различается по величине и продолжительности. Вместе с тем на качественном уровне заметна схожесть влияния процесса

трансформации на динамику показателей в разных переходных экономиках (Campos, Coricelli, 2002; Бессонов, 2005).

В российском переходном процессе можно выделить три основные стадии: ухудшения, улучшения и затухания (см.: Арнольд, 1990. С. 100–102¹). Первую из них принято связывать с трансформационным спадом (см.: Kornai, 1994; Полтерович, 1996; Campos, Coricelli, 2002; Бессонов, 2005). На этой стадии в целом доминировали тенденции к снижению производства (см. рис. 1) и благосостояния, что сопровождалось исключительно высокими темпами инфляции (рис. 2). К началу 1997 г., когда появились признаки возобновления экономического подъема, ВВП относительно уровня 1990 г. снизился на 40%, а потребительские цены по отношению к концу 1990 г. выросли в 5,7 тыс. раз.

Стадия трансформационного спада сменилась восстановительным подъемом. Поскольку на его начальный период наложился кризис 1998 г., переход к восстановительному подъему традиционно датируют осенью 1998 г., а не началом 1997 г. По аналогичной причине завершение этого периода принято относить на осень 2008 г., что позволяет говорить о межкризисном десятилетии. Таким образом, в соответствии с традиционной трактовкой восстановительный подъем занял ровно 10 лет. За это время ВВП увеличился в 2 раза, а потребительские цены выросли в 4,3 раза. Заметим, что интенсивный восстановительный подъем начался при низких мировых ценах на нефть (они выросли позднее). Высокие темпы восстановительного подъема были в значительной мере обусловлены большой глубиной предшествующего трансформационного спада.

**Валовой внутренний продукт
в постоянных ценах
(1990 г. = 100%)**

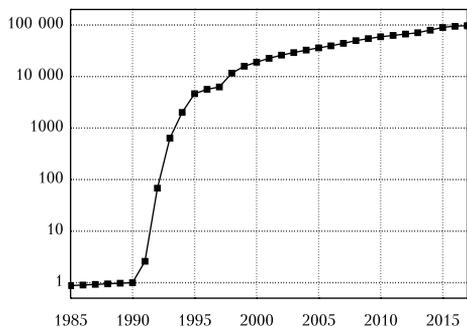

Примечание. Выделено влияние кризисов 1998, 2008 и 2014 гг. и резкого улучшения условий внешней торговли перед кризисом 2008 г.

Источник: расчеты авторов по данным Пономаренко, 2002 (до 1989 г.) и Росстата.

Рис. 1

**Индекс
потребительских цен
(1990 г. = 100%)**

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 2

¹ Заметим, что в этой математической работе, опубликованной до начала переходного процесса в российской экономике, на качественном уровне было описано именно то, что впоследствии и произошло.

Свою роль в поддержании стабильно высоких темпов экономического роста на протяжении межкризисного десятилетия сыграло и то, что на фазу восстановительного подъема наложились два события меньшего масштаба. Экономический подъем в первые два года межкризисного десятилетия значительно ускорился (см. рис. 1), поскольку на это время пришлось восстановление после кризиса 1998 г. Этот короткий период можно рассматривать как вторичный восстановительный подъем, а первичным естественно считать соответствующую стадию переходного процесса. На протяжении второй половины межкризисного десятилетия поддержание стабильно высоких темпов экономического роста обеспечивалось растущими мировыми ценами на нефть. Если бы условия внешней торговли были хуже, то можно было бы ожидать постепенного замедления темпов экономического роста уже в последние годы межкризисного десятилетия.

Завершение начавшегося в 2008 г. кризиса не сопровождалось восстановлением темпов экономического роста, характерных для межкризисного десятилетия (даже после нового значительного повышения цен на нефть вплоть до начала 2011 г.). В парадигме трансформации это естественно связывать с затуханием переходного процесса, то есть с переходом к его третьей фазе. Более точно идентифицировать границы этого периода затруднительно, поскольку на него наложилось событие меньшего масштаба — начавшийся в 2014 г. кризис. Впрочем, сколько-нибудь точная оценка момента начала затухания переходного процесса невозможна в принципе.

Признаки завершения восстановительного подъема

Наличие двух первых фаз переходного процесса — трансформационного спада и восстановительного подъема — можно считать общепризнанным. Но по поводу существования третьей фазы — затухания — консенсус среди специалистов отсутствует. Более того, предположение о наличии третьей фазы практически не обсуждается, несмотря на очевидное соображение, что всякий переходный процесс рано или поздно затухает. Для обозначения этой фазы пока отсутствует и устоявшийся экономический термин.

Что позволяет говорить о завершении в первом приближении восстановительного подъема? Что сигнализирует об окончании трансформационного кризиса? Для ответа на эти вопросы прежде всего обратимся к аналогии с обычными экономическими кризисами, типа начавшихся в 1998, 2008 и 2014 гг. Для них характерен период экономического спада; после его завершения наступает восстановительный подъем, темпы которого снижаются по мере преодоления последствий кризиса, возвращаясь к значениям, типичным для нормальных (не кризисных) периодов развития. Для трансформационного кризиса характерна качественно аналогичная динамика, та же последовательность фаз, но охватывающая более продолжительный период и характеризующаяся бóльшим масштабом изменения показателей. Это хорошо видно на графике динамики ВВП (см. рис. 1) и на графиках таких

показателей, как индексы промышленного производства и производства продукции сельского хозяйства, объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», грузооборот транспорта, инвестиции в основной капитал и др.

Заметим, что возврат к докризисным значениям показателя (скажем, ВВП) во многих случаях нельзя считать признаком завершения трансформации: реформы проводят не для того, чтобы вернуться в прежнее состояние. К числу исключений можно отнести показатель уровня безработицы, значения которого во время кризиса (как в фазе спада, так и в фазе восстановительного подъема) бывают заметно выше, чем до начала кризиса и после его окончания.

Темпы инфляции также постепенно снизились до значений, типичных для стабильных экономик. По нашему мнению, последний раунд борьбы с инфляцией, в отличие от всех предыдущих, потому и стал успешным, что к его началу темпы инфляции уже значительно снизились (см. рис. 2) в силу затухания переходного процесса.

Характерной особенностью трансформационного кризиса выступает и совершенно нетипичная для периодов стабильного развития выраженная V-образная динамика показателей производительности, в частности, совокупной факторной производительности (СФП). Обычно считается, что динамика выпуска определяется факторами производства (капиталом и трудом) и остатком (см., например: Jorgenson, Griliches, 1967), на величину которого влияют технологический прогресс, а также неучтенные факторы и погрешности измерения. Чаще всего этот остаток интерпретируют как совокупную факторную производительность. При этом в стабильной (не переходной) экономике годовые темпы прироста СФП по абсолютной величине невелики (порядка 1% или меньше). Другими словами, СФП, как правило, можно интерпретировать именно как остаток в обычном смысле слова, то есть как нечто сравнительно небольшое.

Если взглянуть на динамику ВВП, основных фондов и численности занятых в российской переходной экономике (рис. 3), то легко заметить, что выпуск гораздо более волатилен, чем факторы производства, которые должны быть основной причиной его динамики. В фазе трансформационного спада ВВП снизился значительно сильнее, чем численность занятых и основные фонды (объем последних даже увеличился). В 1990–1998 гг. в среднем за год ВВП снижался на 6,7%, основные фонды увеличивались на 0,7%, а численность занятых снижалась на 3,0%. В фазе восстановительного подъема наблюдалась обратная картина, когда ВВП рос опережающими темпами. В 1998–2008 гг. в среднем за год ВВП увеличивался на 6,9%, основные фонды — на 1,6, а численность занятых — на 2,0%. Только с конца 2000-х годов темпы прироста выпуска вернулись в интервал между темпами прироста факторов производства.

Это значит, что динамика российского ВВП на протяжении трансформационного спада и восстановительного подъема лишь в небольшой мере обусловлена этими факторами производства, а основная часть изменений ВВП приходится на счет СФП, то есть остатка. Другими словами, трансформационный спад выпуска сопровождается интенсив-

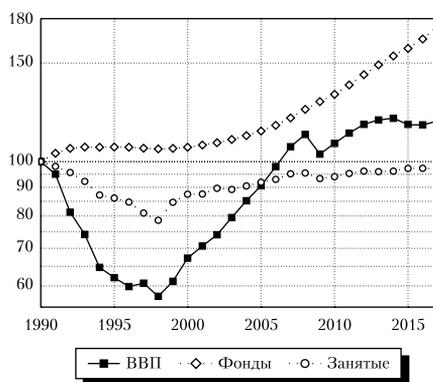
ным снижением СФП, а восстановительный подъем — ее интенсивным ростом. Более того, именно остаток в значительной мере определяет динамику выпуска на этапах трансформационного спада и восстановительного подъема.

Можно по-разному оценивать выпуск, услуги капитала и труда, получая различные оценки СФП. В любом случае в двух первых фазах переходного процесса СФП будет оказывать неестественно сильное влияние на динамику выпуска (подробнее см.: Campos, Coricelli, 2002; Бессонов, 2004; Voskoboynikov, 2012).

Ситуация меняется в третьей фазе переходного процесса, когда темпы прироста выпуска возвращаются в интервал, определяемый темпами прироста основных фондов и численности занятых (см. рис. 3). Показатели производительности перестают демонстрировать аномальную V-образную динамику. Это иллюстрирует рисунок 4, на котором показана динамика фондоотдачи и производительности труда для данных, приведенных на рисунке 3. Для произвольной линейно-однородной производственной функции, удовлетворяющей стандартным неоклассическим предпосылкам, оценка СФП должна лежать в интервале между отношением выпуска к капиталу, то есть фондоотдачей, и отношением выпуска к труду, то есть производительностью труда (подробнее см., например: Бессонов, 2004). Они представляют оценки СФП при единичной эластичности выпуска по капиталу и труду соответственно.

Можно видеть (см. рис. 4), что «трубка» всех возможных оценок СФП для этих данных демонстрирует V-образную динамику на протяжении 1990-х и 2000-х годов. После этого ситуация меняется, и в зависимости от значений эластичности выпуска по факторам СФП может демонстрировать небольшой рост или снижение (обычно оценка СФП несколько ближе к производительности труда, чем к фондоотдаче). Такая динамика

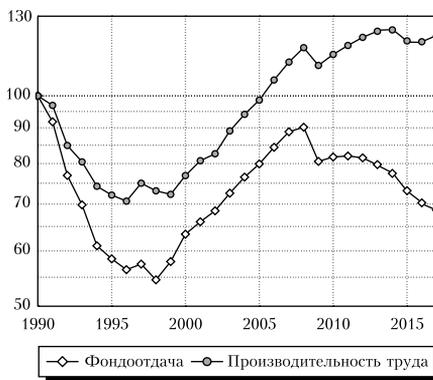
Динамика ВВП, основных фондов и численности занятых в экономике (1990 г. = 100%)

Источник: данные Росстата.

Рис. 3

Динамика фондоотдачи и производительности труда для данных рисунка 3 (1990 г. = 100%)

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 4

производительности означает, что с начала трансформационного спада в экономике происходило нечто, совершенно не типичное для периодов стабильного развития, а период нетипичного развития закончился с окончанием восстановительного подъема. Аномальную динамику производительности мы связываем с влиянием совокупности факторов, обусловивших трансформационный спад и восстановительный подъем.

Таким образом, в 2010-е годы экономика вернулась к ситуации, когда динамика выпуска определяется в основном динамикой факторов производства, а не гипертрофированным остатком. В свою очередь, динамика факторов производства не дает оснований надеяться на сохранение столь же высоких темпов экономического роста, как на этапе восстановительного подъема.

Все приведенные соображения указывают на то, что в 2010-е годы российская экономика перешла в фазу окончания восстановительного подъема, то есть затухания переходного процесса в рассматриваемом нами смысле. Это затухание характеризуется постепенным переходом темпов экономического роста к значениям, типичным для стабильной (не переходной) экономики (в частности, для российской экономики — до начала трансформации; см. рис. 1), и дальнейшим снижением темпов инфляции (см. рис. 2) также до уровней, характерных для стабильных экономик. ВВП в 2014 г., то есть в последнем году, когда наблюдался экономический рост до начала текущего кризиса, вырос по сравнению с 2008 г. лишь на 6,0%, а потребительские цены за тот же период — на 59%.

Значительное снижение темпов экономического роста можно считать естественным следствием затухания переходного процесса. Это означает возврат к норме, отклонением от которой была трансформационная динамика. Количественные характеристики фазы затухания (темпы экономического роста, инфляции и т. п.) соответствуют ситуации до начала экономической трансформации. Они типичны для стабильных, не переходных экономик.

Приведем одно из следствий затухания переходного процесса. Если условия внешней торговли вновь станут столь же благоприятными, как и в последние годы межкризисного десятилетия, то не надо ожидать возобновления экономического роста столь же высокими темпами, поскольку они были в значительной мере обусловлены интенсивным восстановительным подъемом после глубокого трансформационного спада.

Бонусы и издержки трансформации

В период с 1990 г. (последнего года до начала интенсивного трансформационного спада) до 2014 г. российский ВВП вырос всего на 19%, то есть среднегодовые темпы прироста составили лишь 0,7% (впрочем, точность этих оценок крайне низкая). Таким образом, объем российской экономики за последние 30 лет увеличился незначительно. В то же время в ней произошли масштабные институциональные и структурные изменения, которые привели к впечатляющему росту благосостояния.

Российская экономика накануне начала процесса трансформации характеризовалась рядом серьезных диспропорций. Так, она имела выраженный сырьевой характер, что проявлялось в гораздо более высокой материалоемкости и энергоемкости производимой продукции² по сравнению с рыночными экономиками. На единицу конечной продукции в России часто расходовалось в несколько раз больше сырья и энергии, чем в развитых странах. Этим диспропорциям в структуре производства соответствовало искажение относительных цен, то есть диспропорции в структуре цен: цены на сырье и энергоносители поддерживались на сравнительно низком уровне, а на конечную продукцию были относительно высокими. При этом качество последней далеко не всегда соответствовало международным стандартам, что делало ее еще менее конкурентоспособной.

Военно-промышленный комплекс (ВПК), как и инвестиционный, был развит гипертрофированно. В то же время сектор производства потребительских товаров был недоразвит. Среди союзных республик это было особенно характерно для Российской Федерации, на территории которой сосредоточены основные предприятия ВПК. Был развит слабо и сектор услуг.

Причины этих диспропорций связаны с особенностями ведения планового хозяйства (см. также: Корнаи, 2000). Производители часто не имели должных стимулов к снижению издержек и повышению производительности труда. Это было обусловлено отсутствием конкуренции между советскими предприятиями, а также автаркией, когда в силу государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность российские производители не были встроены в систему мирохозяйственных связей и не сталкивались с конкуренцией со стороны иностранных компаний. Искажение относительных цен в какой-то мере определялось и наследием довоенного периода индустриализации, когда установление заниженных цен на сырье и энергоносители и завышенных на конечную продукцию создавало стимулы для ускоренного развития обрабатывающей промышленности.

Ликвидация этих перекосов была одной из целей рыночных реформ. Но структурные изменения в процессе переходного периода сопровождались исправлением одних диспропорций и усилением других.

Сырьевая ориентация российской экономики с началом реформ лишь возросла, что не соответствовало ожиданиям. Это проявилось в том, что в первые годы рыночной трансформации добывающие отрасли промышленности испытали значительно менее глубокий спад по сравнению с обрабатывающими и быстрее перешли к подъему. На единицу продукции добывающих отраслей российская экономика стала производить меньше продукции обрабатывающих отраслей, чем до начала реформ.

На первый взгляд, такой структурный сдвиг может показаться парадоксальным. Но он имеет простое объяснение. Либерализация внешнеэкономической деятельности открыла производителям конкуренто-

² На это, в частности, неоднократно указывал акад. Ю. В. Яременко (см., например: Яременко, 1997).

способного, то есть сравнительно дешевого и качественного (не «испорченного» обработкой) сырья доступ к внешним рынкам, а производители сравнительно дорогой и не всегда конкурентоспособной конечной продукции столкнулись с конкуренцией на внутреннем рынке со стороны зарубежных фирм. При этом цены на сырье и энергоносители закономерно росли опережающими темпами, а относительные цены на многие виды конечной продукции снижались (подробнее см.: Бессонов, 2005). В результате в начальный период реформ производители соответствующих видов продукции были поставлены в разные условия.

Имелись и другие причины подобных структурных сдвигов. Так, для производства высокотехнологичной продукции характерны сложные производственные связи, длинные технологические цепочки. Потому этот сектор более уязвим для любых форм дезорганизации (см.: Blanchard, Kremer, 1997), в том числе в связи с распадом СССР и ликвидацией СЭВ, чем производство менее технологически сложной продукции.

Вместе с тем усиление сырьевого характера российской экономики нельзя однозначно трактовать негативно. В советское время производилось большое количество неконкурентоспособной продукции. С переходом к рыночным отношениям ее значительная часть перестала пользоваться спросом и уступила место на внутреннем рынке более дешевой и/или более качественной импортируемой продукции. Из-за перехода к рынку прекратилась неэффективная трансформация материальных и трудовых ресурсов в конечную продукцию невысокого качества. Экономика избавилась от «шлаков». При этом высвободился значительный объем ресурсов, которые были направлены либо на экспорт, что позволило импортировать более эффективно производимую конечную продукцию, либо в другие секторы российской экономики. Аналогичные последствия имел и отказ от гипертрофированного инвестирования. Такая реаллокация ресурсов способствовала повышению благосостояния.

В качестве примера отметим изменение ситуации в сельском хозяйстве. В советское время в России на единицу продукции животноводства расходовалось в несколько раз больше кормов, чем в развитых странах. Результатом стал их хронический дефицит, что вынуждало импортировать большие объемы зерна. Вследствие перехода к рынку и либерализации внешнеэкономической деятельности вместо зерна оказалось выгоднее импортировать продукцию животноводства, на производство единицы которой за рубежом расходовалось значительно меньше кормов. При этом в стране высвободились значительные объемы ранее неэффективно расходовавшегося зерна, которое стало поставляться на экспорт, что позволило импортировать дополнительное количество потребительских и инвестиционных товаров.

Реаллокация ресурсов способствовала тому, что спад выпуска не сопровождался столь же резким снижением благосостояния, а для начавшегося подъема был характерен опережающий рост благосостояния по сравнению с производством³. Известно, что ВВП отражает динамику производства, а не благосостояния (см., например: Стиглиц и др., 2016;

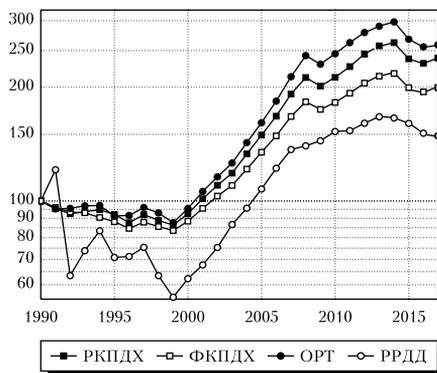
³ Этот факт неоднократно отмечен в литературе. См., например: Gavrilentkov, Koen, 1995; Ослунд, 2001; Campos, Coricelli, 2002; Shleifer, Treisman, 2005; Ясин и др., 2011; Овчарова и др., 2014.

Feldstein, 2017). Опережающий рост благосостояния можно проиллюстрировать на показателях менее высокого уровня агрегирования. На рисунке 5 представлена динамика четырех таких показателей в постоянных ценах: расходов на конечное потребление домашних хозяйств, фактического конечного потребления домашних хозяйств, оборота розничной торговли и реальных располагаемых денежных доходов населения. Все эти показатели демонстрируют значительно более высокий рост за время реформ, чем показатель производства (ср. рис. 5 и 1). Так, оборот розничной торговли ко времени начала последнего кризиса увеличился в 3 (!) раза по сравнению с дореформенным уровнем, расходы на конечное потребление домашних хозяйств — в 2,6 раза, фактическое конечное потребление домашних хозяйств — в 2,2 раза, а ВВП вырос лишь на 19%.

Реальные располагаемые денежные доходы в 2014 г. были на 66% выше, чем в 1990 г., что заметно отстает от динамики трех других показателей благосостояния, хотя значительно выше прироста ВВП за этот период. Имеются основания полагать, что в начале переходного периода показатель реальных располагаемых денежных доходов не вполне адекватно отражал динамику благосостояния. Дело в том, что в 1990–1991 гг., то есть накануне либерализации цен, доходы населения далеко не в полной мере были обеспечены товарами и услугами. Этот дисбаланс приводил к дефициту на потребительском рынке и росту вынужденных сбережений населения, которые к моменту либерализации цен сформировали значительный «денежный навес». Поэтому показатель реальных располагаемых денежных доходов в эти годы завышал оценку уровня благосостояния по сравнению с периодом рыночных реформ, когда доходы населения были обеспечены товарами и услугами. Соответственно сопоставление уровня реальных располагаемых денежных доходов после либерализации цен с их уровнем до либерализации занижает оценку изменения благосостояния.

Оборот розничной торговли не подвержен аналогичным искажениям, поскольку основан на учете фактически совершенных покупок. Это относится и к показателям расходов на конечное потребление и фактического конечного потребления домашних хозяйств. Эти три показателя по построению лучше отражают динамику потребления, чем реальные располагаемые денежные доходы населения, которые по-

Расходы на конечное потребление домашних хозяйств (РКПДХ), фактическое конечное потребление домашних хозяйств (ФКПДХ), оборот розничной торговли (ОРТ) и реальные располагаемые денежные доходы (РРДД) (1990 г. = 100%)

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 5

мимо потребления учитывают и приращение будущего благосостояния через сбережения. Уменьшению спада потребления в первые годы после либерализации цен при резком сокращении реальных располагаемых денежных доходов способствовало и избавление населения от стремительно обесценивавшихся сбережений.

Еще одна причина искажений показателя реальных располагаемых денежных доходов заключается в том, что он строился на основе учета формирования доходов и расходов населения в рублях. В результате покупка населением иностранной валюты трактовалась как рост расходов и соответственно доходов, а не как преобразование средств населения из одной наличной формы в другую. Это логическое противоречие официальной статистической методологии привело к завышению оценок изменения реальных располагаемых денежных доходов на стадии трансформационного спада, когда в условиях высоких темпов инфляции покупка населением валюты была формой сохранения сбережений и ее доля в рублевых расходах была значительно выше, чем в период восстановительного подъема и позднее.

Если анализировать изменение показателей благосостояния в фазе их роста, то все они демонстрируют более близкие изменения. В 2014 г. по сравнению с 1998 г. расходы на конечное потребление домашних хозяйств выросли в 3,0 раза, фактическое конечное потребление домашних хозяйств — в 2,5 раза, оборот розничной торговли — в 3,2 раза, реальные располагаемые денежные доходы — в 2,6 раза.

Учитывая состояние российской статистики в первые годы рыночных реформ, не может не возникнуть подозрение, что опережающий рост показателей благосостояния отражает скорее проблемы измерения, чем реальные процессы в экономике. Наибольшие сомнения вызывает точность индексов цен, используемых для дефлятирования, поскольку среди всех показателей экономической динамики именно цены изменялись в максимальной степени. Вместе с тем, во-первых, имеются основания полагать, что в российской переходной экономике, как и в развитых рыночных экономиках, индексы потребительских цен скорее завышают рост стоимости жизни (подробнее см.: Бессонов, 2005. Гл. 2; Gibson et al., 2008). Это означает, что рост благосостояния может еще сильнее опережать рост выпуска.

Во-вторых, искажение индексов цен наиболее значительно в периоды наивысших темпов инфляции, а при снижении последних уменьшается и погрешность. Из этого следует, что погрешность измерения благосостояния минимальна именно в фазе его роста. Поэтому можно говорить, что вывод о резком росте благосостояния с началом восстановительного подъема не является следствием ошибок измерения. Наконец, имеются оценки изменения натуральных показателей благосостояния (потребление отдельных видов продовольственных и непродовольственных товаров), которые свидетельствуют в пользу вывода о его значительном росте (см., например: Ясин и др., 2011; Овчарова и др., 2014). Уровень электоральной поддержки власти населением также можно рассматривать как свидетельство значительного роста благосостояния.

Вместе с тем за время экономической трансформации резко усилилось неравенство в распределении доходов. Поэтому рост благосостоя-

ния основной массы населения ниже, чем соответствующих показателей для всего населения.

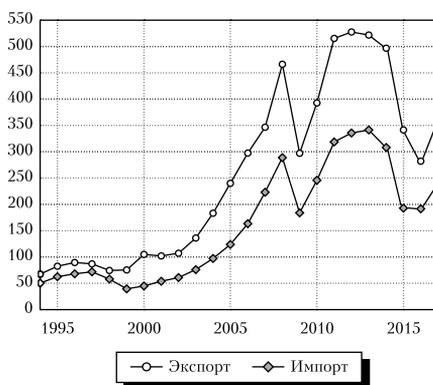
Построение временных рядов рассматриваемых нами показателей связано со многими измерительными проблемами (подробнее см.: Бессонов, 2005). Тем не менее для анализа на качественном уровне они представляются пригодными, поскольку обсуждаемые эффекты настолько значительны, что отчетливо проявляются в динамике даже достаточно грубых показателей.

Заметим, что рост благосостояния, индикатором которого выступает резкое увеличение приведенных на рисунке 5 показателей, происходил в годы, когда стоимостной объем экспорта и импорта значительно вырос (рис. 6). Таким образом, отказ от производства неконкурентоспособной продукции, снижение ресурсоемкости продукции, сокращение потерь, перенаправление на экспорт высвободившегося в результате сырья и импорт более дешевой и качественной продукции нельзя считать безусловно негативными явлениями.

Если процесс производства рассматривать как трансформацию сырья (включая энергоносители) в конечную продукцию, то получение большего количества конечной продукции на единицу сырья можно интерпретировать как повышение эффективности производства. Если наряду с собственным производством учитывать потоки внешней торговли (главным образом экспорт сырья и импорт конечной продукции), то следует признать, что в обмен на те же объемы сырья российская экономика после начала реформ в совокупности стала получать большее количество конечной продукции, и в этом смысле она стала более эффективной. Отражением этого стал впечатляющий рост благосостояния. Другими словами, пока отечественные производители не научились столь же эффективно трансформировать сырье в конечную продукцию, как их конкуренты из развитых стран, оказалось экономически выгодным экспортировать значительную часть сырья, взамен импортируя конечную продукцию. Разумеется, в долгосрочном плане такую стратегию едва ли можно считать приемлемой, поскольку она обрекает страну на все большее технологическое отставание от стран-лидеров.

Вхождение российской экономики в структуру мирохозяйственных связей позволило ей получить выгоды от участия во внешней торговле, которых до этого она была лишена. Соответствующий рост благосостояния на этапе восстановительного подъема был обусловлен процессом трансформации, то есть это был трансформационный бонус (дивиденд). Поскольку он может быть получен лишь один раз, нет

Экспорт и импорт товаров
(млрд долл. США)

Источник: данные Росстата.

Рис. 6

оснований рассчитывать на дальнейший опережающий рост благосостояния, вызванный этим эффектом. Благосостояние перешло на другой, более высокий уровень, но его дальнейшая динамика будет определяться иными причинами. Положительное влияние этого эффекта закончилось в начале 2010-х годов с завершением периода бурного роста экспорта и импорта (ср. рис. 6 и 5).

Второй трансформационный структурный бонус связан с реаллокацией трудовых ресурсов. К началу экономических реформ в промышленности и сельском хозяйстве занятость была избыточной. По мере сокращения производства неконкурентоспособной продукции и повышения производительности труда из этих отраслей стали высвобождаться избыточные трудовые ресурсы. Реципиентом выступил сектор услуг (в том числе его неформальный сегмент), что содействовало его росту, то есть ликвидации одной из диспропорций, унаследованных от периода планового развития. Величиной этого бонуса можно считать увеличение производства услуг, обусловленное притоком в него трудовых и иных ресурсов из других секторов.

Кроме того, развитие сектора услуг в результате реаллокации рабочей силы в значительной мере избавило государство от бремени социальной поддержки безработных. Таким образом, изначально слаборазвитый сектор услуг сыграл в процессе экономической трансформации роль демпфера, смягчив социальные последствия снижения занятости в промышленности и сельском хозяйстве.

Третий трансформационный бонус обусловлен отказом от скрытого субсидирования стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и бывших союзных республик, которым в советское время энергоносители и сырье поставлялись по заниженным ценам. Процесс прекращения скрытого субсидирования по ряду причин растянулся на многие годы, но к настоящему времени он в основном завершен.

Вместе с тем исправление одних диспропорций в процессе рыночной трансформации сопровождалось возникновением других. Значительно сократилось производство многих видов продукции и услуг, которые российская экономика традиционно могла качественно производить. Так, в 1990-е годы большую долю внутреннего потребительского рынка заняли импортируемые товары. Засилье импорта в совокупном внутреннем спросе возникло не только в высокотехнологичных производствах, отставание в которых сложилось задолго до начала переходного периода. Значительные потери понесли и достаточно развитые производства с относительно несложной технологией, имеющие традиции качественного производства и даже котирувавшиеся на внешнем рынке за пределами СЭВ (станкостроение, производство оптических приборов и фотооборудования, подшипников и др.).

Во многих случаях вместо ожидаемого повышения качества производимой продукции и снижения связанных с этим издержек произошло ее вытеснение с внутреннего рынка. Сформировалась диспропорция, обратная имевшей место накануне начала экономической трансформации. К концу 1990-х годов автаркия сменилась ситуацией, когда доля импортируемой продукции в совокупном спросе оказалась гипертрофированной.

Причинами этого стали как неспособность производителей в сжатые сроки адаптироваться к меняющимся условиям экономической деятельности, так и недобросовестная конкуренция во внешней торговле (демпинг не всегда качественной продукции, «челночная торговля»). Свой вклад в возникновение этой диспропорции внесли разрыв хозяйственных связей с бывшими союзными республиками и странами СЭВ, эффекты дезорганизации, проблемы неплатежей и другие подобные факторы. Наиболее сильный удар был нанесен по отечественной легкой промышленности и некоторым подотраслям машиностроения.

Как отмечено выше, стадия трансформационного спада характеризовалась усилением сырьевой ориентации российской экономики. Но восстановительный подъем в промышленности сопровождался опережающим ростом в обрабатывающих производствах по сравнению с добычей полезных ископаемых (подробнее см.: Бессонов, 2005). По экономике в целом в этот период имел место опережающий рост производства в несырьевом секторе. В сельском хозяйстве также наблюдается стабильный подъем, который пока не демонстрирует признаков начала затухания. Последнее можно связывать как с потенциалом импортозамещения, так и с перспективами дальнейшего увеличения экспорта продукции.

В фазах трансформационного спада и восстановительного подъема российская экономика адаптировалась к рыночным отношениям и вошла в структуру мирохозяйственных связей, получив соответствующие бонусы и понеся издержки. После этого стали отчетливо проявляться позитивные эффекты, обусловленные состоявшимся внедрением рыночных отношений. Эффект дезорганизации сменился восстановлением хозяйственных связей, то есть реорганизацией, начался процесс импортозамещения. Между началом рыночных реформ и появлением их видимых позитивных результатов прошло значительное время.

Рост в обрабатывающих производствах происходил за счет увеличения объемов выпуска востребованной рынком продукции в условиях жесткой конкуренции с продукцией зарубежных производителей, индикатором чего можно считать импортозамещение. По этой причине объемы производства конца переходного периода не вполне корректно сопоставлять с объемами производства в начале трансформационного спада, которые были «раздуты» за счет выпуска продукции, переставшей пользоваться спросом в связи с переходом к рынку. Соответственно незначительное изменение ВВП в постоянных ценах за все время реформ скрывает то, что в конце этого периода потребителям стала доступна продукция в целом более высокого качества, более широкой номенклатуры и в значительно больших объемах.

* * *

Как было показано выше, потенциал восстановительного подъема в российской экономике представляется в основном исчерпанным, как и связанный с ним потенциал трансформационных бонусов. Поэтому источники экономического роста и повышения благосостояния на обо-

зримую перспективу следует связывать с действием иных факторов. Для поддержания прежних темпов экономического роста старых методов недостаточно.

На протяжении последних 30 лет в обсуждении перспектив российской экономики закономерно доминировала антикризисная повестка. Сначала обсуждалось, как остановить трансформационный спад, затем — как поддержать восстановительный подъем, и все время — как снизить темпы инфляции. К настоящему времени в связи с постепенным затуханием процесса трансформации антикризисная повестка в первом приближении исчерпана. Соответственно перспективы российской экономики необходимо обсуждать, исходя из иных соображений. Таким образом, естественно ожидать смены вех экономической политики.

Основной лейтмотив новой повестки — обеспечение приемлемых темпов экономического роста и повышения благосостояния. Вопросы борьбы с инфляцией постепенно отходят на второй план. Этими чертами новая повестка напоминает актуальную в 1980-е годы. Существенное отличие от ситуации накануне начала процесса трансформации в следующем: российская экономика в целом перешла на рыночные принципы хозяйствования, исправила основные структурные диспропорции и вошла с систему мирохозяйственных связей.

Список литературы / References

- Акиндинова Н. В., Бессонов В. А., Ясин Е. Г. (2018). Российская экономика: от трансформации к развитию: доклад к XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Akudinova N. V., Bessonov V. A., Yasin E. G. (2018). *The Russian economy: From transformation to development*. Report for the XIX April international academic conference on economic and social development. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Арнольд В. И. (1990). Теория катастроф. М.: Наука. [Arnold V. I. (1990). *The theory of catastrophes*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Бессонов В. А. (2004). О динамике совокупной факторной производительности в российской переходной экономике // Экономический журнал ВШЭ. Т. 8, № 4. С. 542–587. [Bessonov V. A. (2004). On dynamics of total factor productivity in the Russian economy in transition. *HSE Economic Journal*, Vol. 8, No. 4, pp. 542–587. (In Russian).]
- Бессонов В. А. (2005). Проблемы анализа российской макроэкономической динамики переходного периода. М.: Институт экономики переходного периода. [Bessonov V. A. (2005). *Problems of the analysis of Russian macroeconomic dynamics of the transition period*. Moscow: Institute for the Economy in Transition. (In Russian).]
- Вишневецкий А. Г., Щербакова Е. М. (2018). Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. № 6. С. 48–70. [Vishnevsky A. G., Shcherbakova E. M. (2018). Demographic brakes of the economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 48–70. (In Russian).]
- Корнай Я. (2000). Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». [Kornai J. (2000). *The socialist system. The political economy of communism*. Moscow: NP “Zhurnal Voprosy Ekonomiki”. (In Russian).]

- НИУ ВШЭ (2018). Структурные изменения в российской экономике и структурная политика. Аналитический доклад / Под науч. рук. Е. Г. Ясина. М.: НИУ ВШЭ. [NRU HSE (2018). *Structural changes in the Russian economy and structural policy*. Analytical report. Moscow: NRU HSE. (In Russian).]
- Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. (2014). Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. Москва: Фонд «Либеральная миссия». [Ovcharova L. N., Burdyak A. Ya., Pishnyak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014). *Dynamics of Russian households monetary and non-monetary features: Analytical report*. Moscow: Liberal Mission Fund. (In Russian).]
- Ослунд А. (2001). Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма // Вопросы экономики. № 7. С. 115–138. [Åslund A. (2001). The myth of output collapse after communism. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 115–138. (In Russian).]
- Полтерович В. М. (1996). Трансформационный спад в России // Экономика и математические методы. Т. 32, № 1. С. 54–69. [Polterovich V. M. (1996). Transformational recession in Russia. *Ekonomika i Matematicheskie Metody*, Vol. 32, No. 1, pp. 54–69. (In Russian).]
- Пономаренко А. Н. (2002). Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990. М.: Финансы и статистика. [Ponomarenko A. N. (2002). *Retrospective national accounts of Russia. 1961–1990*. Moscow: Financy i Statistika. (In Russian).]
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара. [Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016). *Mis-measuring our lives. Why GDP doesn't add up*. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Яременко Ю. В. (1997). Причины и последствия экономического кризиса // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 3–13. [Yaryomenko Yu. V. (1997). Causes and aftereffects of the economic crisis. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 8, No. 4, pp. 309–316.]
- Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В. (2011). Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя // Вопросы экономики. № 8. С. 77–96. [Yasin E., Andryushchak G., Ivanter A., Kosareva N., Ovcharova L., Ponomarenko A., Fadeev V. (2011). Social results of transformation, or Twenty years after. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 77–96. (In Russian).]
- Blanchard O., Kremer M. (1997). Disorganization. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 4, pp. 1091–1126.
- Campos N. F., Coricelli F. (2002). Growth in transition: What we know, what we don't, and what we should. *Journal of Economic Literature*, Vol. 40, No. 3, pp. 793–836.
- Feldstein M. (2017). Underestimating the real growth of GDP, personal income, and productivity. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 31, No. 2, pp. 145–164.
- Gavrilenkov E., Koen V. (1995). How large was the output collapse in Russia? Alternative estimates and welfare implications. In: *Staff Studies for the World Economic Outlook*. Washington: International Monetary Fund, September, pp. 106–119.
- Gibson J., Stillman S., Le T. (2008). CPI bias and real living standards in Russia during the transition. *Journal of Development Economics*, Vol. 87, No. 1, pp. 140–160.
- Jorgenson D. W., Griliches Z. (1967). The explanation of productivity change. *Review of Economic Studies*, Vol. 34, No. 3, pp. 249–283.
- Kornai J. (1994). Transformational recession: The main causes. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 19, No. 1, pp. 39–63.
- Shleifer A., Treisman D. (2005). A normal country: Russia after communism. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 19, No. 1, pp. 151–174.
- Voskoboynikov I. B. (2012). *New measures of output, labor and capital in industries of the Russian economy*. Groningen Growth and Development Centre Research Memorandum, No. GD-123.

A view at the Russian economic transformation

*Eduard F. Baranov, Vladimir A. Bessonov**

Authors affiliation: National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). *Corresponding author, email: bessonov@hse.ru

The transition of the Russian economy from plan to market is considered at a qualitative level. The analysis of economic dynamics in the transformation paradigm is conducted. The main stages of the transition process are discussed. Bonuses and costs due to the transition to market economy are considered. The reasons for the outstripping growth of well-being as compared to the growth of output are discussed. The signs of exhaustion of the potential of factors ensuring an abnormally high rate of recovery and accompanying welfare growth are discussed. The conclusion is made that the transformational recovery has been completed. The Russian economy has moved to the stage of development with relatively low growth rates of output and welfare, typical for stable (non-transition) economies.

Keywords: economic statistics, economy in transition, Russia, transformational recession.

JEL: E20, E32, O11, O44, P24.